

София Лоренцо

Карина

16+

Sofia Lorenza

София Лоренцо

Карина

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Лоренцо С.

Карина / С. Лоренцо — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-06069-2

Эта книга о судьбах двух эмигрантов: пожилого испанского профессора с итальянскими корнями и молодой девушки из России Карины (с итальянского "мое сокровище"), случайно встретившихся в Берлине. Им обоим по определенным причинам пришлось эмигрировать со своей родины и через многое пройти, чтобы найти себя в новом, "чужом" мире. На этом пути они встречаются как родственную душу, так и настоящую страсть. Книга переносит нас в путешествие по Чили, знакомит с пирамидами Мексики, показывает изюминки Германии и романтику гор Северного Кавказа. Карина — это собирательный образ молоденьких девушек, эмигрировавших в жестокие девяностые за границу.

ISBN 978-5-532-06069-2

© Лоренцо С., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Он	6
Она	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

*Моей любимой сестре посвящается.
Пусть этот мир всегда заботится о тебе, и невидимая рука ведет
тебя по дороге праведности, счастья и справедливости.*

Он

«Она была окошечком, крошечным светлым отверстием в темной пещере моего страха. Она была спасением, путем на волю. Она должна была научить меня жить или научить умереть, она должна была коснуться своей твердой и красивой рукой моего окоченевшего сердца, чтобы оно либо расцвело, либо рассыпалось в прах от прикосновения жизни.»

Герман Гессе. «Степной волк»

Я познакомился с ней совершенно случайно. В тот вечер я возвратился в отель после одного торжественного официального приема, на котором, как обычно, давали много несбыточных обещаний, вели беседы ни о чем и были вежливы по поводу и без. Я очень устал от этих показушных пустых разговоров и просто хотел лечь спать. Было уже достаточно поздно.

Она стояла за стойкой администратора и выдавала ключи от номера. Когда я ее увидел, меня поразило впечатление усталости на лице и какая-то загадочная грусть во всем ее облике. Но также меня поразили ее огромные зеленые глаза, которые сразу меняли первое впечатление. В них горел огонь внутренней силы и жизненной мудрости. Я понял, что передо мной стояла женщина, которая может понять меня с полуслова. Огонь в ее глазах говорил, что дух ее порой можно было согнуть, но сломать его было невозможно. Неожиданно для себя я оказался в плену этой силы и не смог просто взять ключ и уйти. Я заговорил.

«Good evening», было первое ее приветствие на английском. Она говорила с британским акцентом. В тот момент я совершенно не мог себе представить, что она могла быть из России. В ее внешности не было ничего типично русского. Только длинные каштановые волосы, собранные на испанский манер, немного говорили о славянских корнях. Сразу же, когда она узнала, что я живу в Испании, мы, к моему удивлению, перешли на испанский. Мы едва успели обменяться парой фраз, как вдруг погас свет. В прекрасно организованном берлинском мегаполисе такое случается очень редко. Немцы обычно добросовестно следят за порядком во всем. По неизвестным причинам без света остался весь квартал. В отеле включилось экстренное освещение и среди некоторых постояльцев возникла паника. Они спускались из номеров к администратору и задавали возможные и невозможные вопросы. Она старалась всех успокоить и пыталась прояснить ситуацию. У меня появился повод остаться возле нее на следующие пару часов, а, как потом оказалось, на несколько лет...

Наш первый разговор продолжился в длинной цепочке разговоров, которые мы вели в самых неожиданных местах: ночью, сидя на полу в отеле в Вене, на кухне моей квартиры в Мадриде, в еврейском квартале в Париже, в российском посольстве в Берлине... Только к ней, в Россию, я так и не смог доехать. Русские всегда находили повод, чтобы не дать мне визу. Это было связано с моей профессиональной деятельностью.

Для себя я назвал ее Кариной (с итальянского *carina* – дорогая, также в переносном смысле – мое сокровище), потому что для меня она стала самой дорогой на свете. Я знал, что мое время уже ушло, что разница в возрасте более тридцати лет. Наши семьи, мои дети и обстоятельства никогда не позволили бы нам быть вместе, но когда в тот вечер я посмотрел в ее глаза, я не смог просто взять и уйти. Чувства захлестнули меня и оттеснили все доводы рассудка, которые пытался прокричать мой все анализирующий мозг.

Каждый раз, когда я заговаривал с ней, понятие времени, возраста, да и всего на свете для меня исчезало. Существовала только она и ее обаяние. Оно поглощало меня с головой и не давало закончить нашу историю, которая в действительности существовала только в моем воображении. Остановиться я был уже не в силах.

В тот первый вечер мы проговорили много часов напролет. Оказалось, что мы были в чем-то коллегами. Она только училась в университете по той специальности, по которой я уже был маститым профессором. Мы шутили на предмет нашей общей науки, шутили о жизни. Одинаковое чувство юмора придавало особенный оттенок нашим разговорам. Иногда я вспоминал некоторые его детали уже спустя несколько дней после разговора и смеялся от души, вспоминая наши общие шутки. В тот вечер мне расхотелось спать, однако, вскоре я решил уйти. Не хотелось показаться назойливым. Я уезжал на следующий вечер. Прощай, Карина, прощай, Берлин, прощайте, мечты... Я и не надеялся увидеть ее в другой раз и приложил все усилия, чтобы мы встретились на следующий день.

Я сидел у окна в старинном кафе на берегу Шпрее и пил виски, чтобы набраться храбрости и сказать ей, что не могу себе позволить увидеть ее сегодня в последний раз. Я уже понял, что должен был видаться с ней снова и снова. Был серый весенний берлинский день. Сыро и неуютно. Затянутое бесцветными облаками небо и витающая в воздухе пробирающая до костей влажность портили настроение. Ее улыбка при входе в кафе осветила всю улицу и мое сердце. Сразу стало тепло и уютно. Да и виски сделал свое дело. Ее синее весеннее пальто до колен и красный с синим шарф, ее зеленые глаза и каштановые волосы напомнили мне цвета рисунков Марка Шагалла. Мы мило поздоровались. Она села напротив и заказала чай с круассанами. Так началась моя с ней история...

Тогда ей было всего лишь 24, но по моим ощущениям между нами не было никакой разницы в возрасте. Ее дух был настолько крепок и зрел, что у меня иногда возникало чувство, будто она старше меня. Все дело в истории ее жизни. Карина рассказывала мне много о себе, история ее жизни поражала меня каждый раз все больше и больше. Она никогда не жаловалась на свою жизнь. Просто рассказывала, когда возникал повод или когда я задавал ей вопросы. За свои двадцать с небольшим она уже пережила столько, сколько многим не доводилось повидать за всю долгую жизнь. Больше всего меня поразила история о том, что привело ее в Европу и оставило здесь. Тогда для меня слово «Россия» ассоциировалось с понятием «темный лес». Из-за работы мне, естественно, приходилось сталкиваться с русскими. Но я никогда тесно с ними не общался, как-то не приходилось. Я начал открывать для себя новый мир, начиная с русской меланхолии, выражающейся уже в тональности «ля минор», с трагичности бытия и заканчивая огромным теплым русским сердцем, согревавшим меня везде и повсюду, независимо от того, сколько времени проходило между нашими встречами. На всех, кто не знал ее истории, она производила впечатление успешной молодой девушки с хорошим образованием, из замечательной семьи. Многие завидовали ей, думая, что ей все давалось очень легко и просто. Она улыбалась и ничего на это не отвечала. Только тень глубокой печали на мгновение пробегала по ее лицу.

В принципе, было абсолютно неважно, что я был итальянец, проведший большую часть своей жизни в странствиях и осевший в конце концов в Мадриде. Мой старший сын, когда был еще совсем маленьким, сообщал с гордостью своим сверстникам, что его отец работает в аэропорту. Он сделал этот вывод, потому что ему вместе с матерью постоянно приходилось встречать или провожать меня там. А Карина была русской, она тоже искала свое счастье в испаноговорящих странах и нашла свой приют в Берлине. Мы оба были странниками, встретившимися на пути туда, куда в начале нашего знакомства мы и не представляли себе дойти. Наши жизни были похожи на движущийся поезд. На станциях по пути следования в поезд заходили временные пассажиры, сопровождавшие нас какое-то время в пути. Затем они выходили на тех станциях жизни, где, по их мнению, было их настоящее место. Заходили новые. Движение продолжалось. Я, так же, как и она, надеялся выйти когда-то на своей, только для меня предопределенной станции и остаться там навсегда. Итак, мы стали пассажирами одного и того же поезда жизни, несущего нас, как нам казалось, к назначенной цели.

* * *

Я встретил ее на том этапе моей жизни, когда мой второй сын только родился, а моя «вторая половина», как ее потом называли в суде, заболела раком и была не в состоянии заботиться о детях. Тогда еще я сам не осознавал, что болезнь, как правило, нам дается, чтобы что-то понять в жизни, чтобы осознать, что мы делаем не так, чтобы повернуть свой корабль в правильное жизненное русло и плыть не к туманному миражу, куда мы держали курс, чуть не разбившись о скалы, а к своему берегу. В случае же с моей «второй половиной» все произошло наоборот. Она обозлилась на мир, стала капризной и вела себя по отношению ко мне и детям просто невыносимо, как это к сожалению случается со многими в болезненном состоянии. Очень часто вместо того, чтобы заняться самим собой и осознать, что делаешь неправильно, люди начинают искать «внешнего виновника». А когда найдут жертву, начинают вымещать на ней все свое недовольство и пытаются сбежать от осознания своих собственных жизненных ошибок. Гораздо легче сказать, что кто-то виноват, чем поработать над собой. Внутренняя работа подразумевает осознание и признание своих собственных ошибок. Эта ситуация осложнялась еще и тем, что из-за моего высокого поста международного уровня мне приходилось постоянно уезжать в командировки и поэтому я не мог ежедневно участвовать в жизни моей семьи. В итоге той самой жертвой выбран был я.

Моя «вторая половина» была из очень богатой испанской семьи, которой принадлежало много недвижимости и антикварных ценностей. Но, как это было не парадоксально, ей всегда всего было недостаточно в материальном плане. Когда она потом ушла от меня, то забрала практически все: мой мерседес, мои ценные картины в оригинале, сняв их со стен моей квартиры, деньги и все, что смогла унести с собой. В начале я пытался сопротивляться, но она угрозила, что навсегда заберет детей. По испанским законам это наверняка могло случиться, поэтому я смирился со своей судьбой и решил идти по пути наименьшего сопротивления.

Вообще-то я не хотел иметь детей: не потому что я их не любил, я просто настолько серьезно к этому относился, что боялся совершить какую-то ошибку. Я все время спрашивал себя, смогу ли я стать настоящим отцом, дать все то, что было нужно ребенку. Этот страх полностью меня сковывал. Я был профессионалом по уводу жен и подруг у моих друзей. С моей внешностью у меня никогда не было проблем с женщинами. Итальянский темперамент и необычное чувство юмора всегда привлекали ко мне красоток. Среди женщин я был знаменит моей нежной кожей, которую они называли женской и тем, что я мог вытворять с ними в постели. Однако, я не мог представить своего ребенка ни с одной из них. Я очень следил за тем, чтобы этого не произошло, поэтому мой первый сын родился, когда мне уже было 54 года. Мой первый ребенок. Это случилось только потому, что, уведя у моего очень хорошего друга его женщину, я не мог не сдать ее уговорам иметь ребенка. Мой возраст и чувство вины из-за друга сказали мне: «Сейчас или никогда». Поэтому я сдался. Наверное, из-за того, что я слишком все идеализировал, Бог сыграл со мной злую шутку, и жизнь предоставила мне мать моих детей, абсолютно противоположную той, которую я им желал. Она страстно хотела родить. В ее 32 года это было уже «самое время». Дети были тем, чего от нее хотело общество и ее родственники. Я не думаю, что она действительно желала этого в глубине души. Переняв чужие идеи, она надела их на свою жизнь, как маску, под которой скрыла свою неспособность заботиться о других и идти на компромиссы. Вся ее жизнь была просто декорацией для окружающего общества. Родив, она абсолютно не могла обращаться с детьми. Уже в роддоме я стал сам пеленать и ухаживать за ними, а она своим безразличным поведением шокировала нянек и медсестер. Так началась жизнь обоих моих детей. Отец автоматически стал еще и матерью. Но я не жаловался на жизнь. Наоборот. Дети стали моей отдушиной. Единственно, что меня угнетало, было то, что мое время утекало. Я хоть и выглядел моложе своего возраста, время

брало свое. Иногда бессонными ночами, я лежал в кровати и думал о том, что не успею дать моим детям все то, о чем мечтал. Когда же я встретил Карину, то увидел в ней все, чего мне так не хватало в женщине, которая была матерью моих детей.

* * *

Я часто думал о том, в чем же была причина моей странной жизни, что привело меня туда, где я был сейчас и физически, и эмоционально. А начиналось все с корней – с семьи моих родителей. Мой отец во времена Муссолини стал не на «ту сторону» и после победы над фашистской Германией и фашизмом в Италии ему пришлось бежать в Бразилию, чтобы не попасть под нож победителей. К счастью, в его голове были не только фашистские идеи, но и коммерческие. У отца было 12 братьев и сестер, которые разбрелись по всему свету. В те времена Бразилия не была земным раем, и мы через полгода переехали в Аргентину, где уже обосновались два моих дяди. В течение полугода я ходил в бразильскую школу, вообще не зная португальского, и был вынужден объясняться на пальцах с этим абсолютно новым для меня миром. Когда я уже почти нормально говорил на португальском, меня вырвали из этой среды и бросили в новую, испаноговорящую, где пришлось повторить ту же историю с самого начала. Но в моем тогдашнем возрасте я быстро учился, и в общем это помогло мне быстро подстраиваться под новые обстоятельства.

Мой отец открыл свою фабрику в Буенос Айресе. Убегая из Италии после победы над фашизмом, он, естественно, забрал с собой все нажитое и награбленное. Деньги были. Его фабрика пошла в рост, и после эмоционального кризиса из-за «неправильных политических идей» и вынужденной смены не только страны, но и континента, единственной отдушиной в жизни для него стала работа. Родив троих детей, он был рад, что его жена была занята отпрысками и, пока он давал ей деньги, не высказывала никаких особых желаний. Он выполнял все ее капризы, потому что просто хотел, чтобы она оставила его в покое и не мешала заниматься делом. Дети были лишь приложением к его жизни. Их можно было демонстрировать в обществе, но в действительности они мало его интересовали и были всего лишь способом занять свою жену. Кроме денег я особо ничего и не получал от своего отца. Он редко бывал дома и давал денег столько, сколько надо, лишь бы не заниматься вопросом, на который просили деньги.

В душе я ненавидел свою мать. Она была эмоционально холодной женщиной и поэтому, демонстрируя свои эмоции, часто перегибала палку, стараясь всем доказать, что она полна эмоциями. Будучи очень интеллигентной и образованной, она выбрала жизнь, где все крутилось только вокруг ее мужа. Она абсолютно себя не реализовывала. Она была просто женой, и все. Я не мог ей простить этого. Постоянно отсутствующий и все время занятый, не интересующийся детьми отец в комбинации с живущей по течению, сюсюкающей и фальшиво эмоциональной матерью часто приводили меня в бешенство. Я хотел бежать от них. Как можно дальше. Это привело к тому, что я за свою жизнь поменял семь стран. Родившись в Италии, я потом жил в Бразилии, Аргентине, Чили, Франции, Австрии, США, пока, наконец, не осел в Испании. Мой первый побег от родителей был в Чили, страну по соседству. Побег на «короткую дистанцию», пока я не решил сбежать еще дальше и навсегда. В Чили я начал свою университетскую карьеру. Выбрал архитектуру. Это был предмет, включающий в себя все, что меня интересовало в жизни: точные науки, сочетающиеся с рисованием и черчением, возможность проявить талант и фантазию. Закончив свой факультет архитектуры, я понял, что нужно было пользоваться уникальным моментом и использовать политические изменения в Чили для продвижения в науке. Я был там как раз в то время, когда назревал путч Августа Пиночета и стал очевидцем всех событий. В университете среди студентов были свои политические движения, дававшие мне материал для исследований. Так из архитектора я стал доктором наук

по социологии, написав докторскую о влиянии среднего класса на военный путч и политический переворот в Чили. Моя научная карьера пошла в гору. Позже мои профессора и знакомые продвинулись настолько высоко, что я даже мог гордиться тем, что один из моих друзей стал президентом Чили.

Когда я жил в Аргентине, я был в том возрасте, когда я еще не озадачивался такими понятиями, как красота природы или что-то в этом роде. Это было юношество. Я был постоянно занят разногласиями родителей, учебой в школе и играми со сверстниками. Переехав жить в Чили, у меня началось становление личности, в процессе которого я начал открывать новый для себя мир, в который входила также окружающая меня природа. Я полюбил Чили за эту безумную длину береговой линии в 6435 км, за «миллион озер», пустыню на севере и айсберги на юге Патагонии, за пляжи с белым песком и за потерянный в океане Остров Пасхи, происхождение коренных жителей которого до сих пор является загадкой нашей планеты.

* * *

Когда я познакомился с Кариной, она только начинала открывать для себя Европу. Она была примерно в том возрасте, когда я начал раскрывать для себя этот необъятный мир и смотрел на все глазами первооткрывателя. Она перенесла меня в воспоминания о Чили, где я начал свою сознательную взрослую жизнь. Тогда я, как и она, находился вдалеке от своей родины.

Когда я поступил в чилийский университет, естественно, сначала познакомился со всеми интересными уголками Сантьяго де Чили. Этот город находится в зоне повышенной сейсмичности. Центр города выглядит довольно современно и местами однообразно из-за стекла, бетона и прямоугольников современных зданий. Иногда, правда, среди них встречаются барочные дома колониальной эпохи, но ощущения цельного архитектурного ансамбля нет. Немногочисленные интересные сооружения, пережившие множество землетрясений, находятся, в основном, недалеко от площади Пласа-де-Армас. Моим любимым местом там стал квартал Беллависта, который находится у подножья холма Сан-Кристобаль, который более всего оживлен по вечерам. Это настоящий «чилийский Soho» с бесчисленными барами, кафе, модными ночными клубами. Особый колорит ему придают яркий стрит-арт и звуки сальсы и румбы, рвущиеся из распахнутых дверей. Я провел там с друзьями много ночей в поисках развлечений. Но страстным танцором сальсы так и не стал. С холма Санта-Лусия открывается бесподобный вид на Сантьяго и окружающие его горы. Иногда я поднимался туда и размышлял о жизни и науке, смотрел на кипевшую, как в муравейнике, жизнь этого города, расстилающегося внизу передо мной. Я ездил и на холм Сан-Кристобаль, откуда вид был еще более потрясающим.

Мне так же нравилось гулять по парку Лос Доминикос, названного так по имени католического ордена доминиканцев. Иногда я там заходил в церковь Сан-Висенте Феррер, которая нравилась мне своим архитектурным стилем, но не для молитвы. Я во все глаза смотрел на местных красоток, которые наряжались в свои лучшие платья, чтобы во время службы пощеголять одна перед другой. Позже, уже в Испании, я повторял такие же походы по святым местам с целью поглазеть на красоток и никак не мог представить себе, что это могло бы быть грехом.

Еще я любил смотреть на клоунов, заплонивших этот город. Это была удивительная традиция, напоминающая мне скорее трагикомедию, чем комедию. Люди переодевались, кто просто так, чтобы выйти из повседневности и надеть на себя другую маску, кто для заработка денег. Когда я бродил по Сантьяго, я часто наткнулся на кого-то одетого в пестрый костюм клоуна, пытающегося развлечь прохожих. Карина как-то рассказывала мне, что ей нравилось выступать на сцене и вживаться в другой образ, сбегая от реальности. Наверно, эти люди, в жестокие времена политических событий тоже хотели примерить на себя какой-то совсем другой образ, переместиться в другой мир, в котором все было легко и понятно.

Из-за учебы в университете я не мог много путешествовать по всей стране. На следующий год я полетел на юг, в Пуэрто Монт, который считают «воротами» в Чилийскую Патагонию и «воротами» в Озерный край. Я уехал туда на все каникулы. Там было много интересного. Деньги отец давал, на все с лихвой хватало. Я там провел пару месяцев, осматривая далекие уголки Патагонии. Туда, куда сумел добраться. Пуэрто Монт был построен немецкими переселенцами, и это чувствовалось в его архитектуре и в чистоте улиц. Чили не зря считается самой европейской страной Южной Америки. Это ощущается во многих вещах, более всего в уровне образования жителей, который достаточно высок. Европеизированный пейзаж удачно дополняется заснеженным пиком идеальной формы – вулканом Осорно. Он располагается на другом берегу озера, и вид просто потрясающий. В окрестностях Пуэрто Монта расположены горные пики, ледниковые долины, озера и водопады, одни из самых красивых в мире. На юге Чили земля как бы частично проваливается под воду и из нее торчат невероятной формы заснеженные пики гор.

Я смотрел на эти горы, и у меня было впечатление, что кто-то разбил огромное стекло и воткнул его осколки в землю. Многие пики гор выглядели, как сюрреалистичные осколки стекла невероятных размеров, возвышающиеся над землей своими неровными, острыми гребнями. Когда я поехал еще южнее, больше всего на меня произвела впечатление гора Фицрой – главная вершина Патагонии. Рядом с этой вершиной расположены пики Серро Поинсенот, Рафаель и Сент Экзюпери, а неподалеку находится другая всемирно известная группа вершин – группа Серро-Торре. Их необычные формы «обломков стекла» отложились у меня в памяти на всю жизнь. Неподалеку находятся безумной красоты озера. В их кристально чистой воде отражаются эти самые заснеженные вершины и пролетающие мимо облака. В этой местности уже достаточно холодно и часто встречаются айсберги. Чтобы попасть в горы, я долго плыл на пароме, который пробирался через фьорды, как будто проходил через лабиринт. Я спрашивал себя, как можно было не заблудиться в этом несметном количестве островков, гор, озер и «разломов земли». Ближайший порт был Тортель, откуда можно было попасть сразу и на озера, окруженные горами со снежными шапками, которые были севернее, и, проехав южнее до Лагуна Верде, взять лодку и подобраться как можно ближе к Фицрою. В этих огромных озерах уже встречались айсберги. Наверно, находящиеся рядом холодные горные ледники способствовали их образованию.

Когда я рассказывал Карине об айсбергах в Патагонии, она вдруг вспомнила песню известной российской певицы под названием «Айсберг». «Ледяной горою айсберг из тумана выплывает... А ты такой холодный, как айсберг в океане, и все твои печали под черною водой». Мы сразу вспомнили свои «вторые половинки», которые были в тот момент где-то там, дома. И вместе погрузили над несправедливостью жизни...

Я удивился тому, что когда я рассказывал Карине о моих походах в горы, она мне вдруг призналась, что ей и это было знакомо. Горы вылечили ее не так давно. Она провела там несколько лет, когда искала эликсир здоровья и собственного счастья. В итоге в горах нашла Бога. Я слушал с удивлением и спрашивал себя, в чем еще было сходство наших разных и одновременно одинаковых жизней.

Карина как-то рассказала мне, что изучив «castellano» в университете, у нее были небольшие проблемы с испанским, когда она попала в Мексику. Я сразу вспомнил, что в самом начале у меня тоже были трудности с чилийским испанским. Даже сами местные жители признают, что их язык не испанский, а чилийский, в нем очень много слов и оборотов, не используемых больше нигде – так называемых *modismos*, многие из которых пришли из языка индейцев мапуче, с которыми волей-неволей пришлось общаться и налаживать отношения чилийцам. Помимо этого чилийцы говорят очень быстро, «глотаю» окончания и бессовестно искажая испанские слова. Поэтому, после того, как я думал, что был асом в испанском, изучив его в

Аргентине, мне почти пришлось учиться заново для того, чтобы адаптироваться в новой языковой среде.

* * *

Итак, я оторвался от моей семьи и пошел своей дорогой в науку, в новый, еще неизведанный мною мир. С моей внешностью, итальянским темпераментом и необычным чувством юмора я был предметом искушения для многих красоток. Они сами искали моего общества. Все знакомые тогда считали меня авангардистом, потому что у меня не было длительных отношений с женщинами. Я никогда не женился и не заводил детей. В семидесятые меня считали одним из самых продвинутых носителей новых идей, которые на самом деле не имели со мной ничего общего. Я наблюдал карикатурные отношения между моими родителями и поэтому боялся потерпеть крах в семье. Я боялся травмировать своих будущих детей так же, как был травмирован родителями я сам. Я сбегал в тот момент, когда понимал, что отношения принимали серьезный характер. Я хотел, чтобы все было идеально и правильно. Страх перед фиаско и привел меня к краху, когда я наконец встретил свою «вторую половину». Именно страхом я создал свою ситуацию, и жизнь мне преподнесла как раз то, чего я больше всего боялся. Вместо того, чтобы распахнуть свою дверь женщинам, которые могли бы сделать меня счастливым и быть прекрасными матерями моим детям, я выбирал тех, кто был на это совершенно не способен.

В моей жизни было много «любовных связей». Времена хиппи и свободной любви проглотили меня с головой. Мои карие глаза и итальянская улыбка, итальянский акцент в испанском, мой французский и английский, а также моя кожа, которая была настолько нежной, что напоминала кожу молодой девушки, сводили с ума многих. Я никогда не бросал их. Они просто уходили сами, когда я переставал их любить. Даже сейчас, когда мне было уже за 60, единственное, что выдавало мой возраст, были мои немного поседевшие волосы и небольшие морщинки на лице. Мое тело оставалось молодым, а кожа на теле такой же нежной и привлекательной, без единой морщинки. Я прекрасно знал, чего хочет женщина в постели, и мог свести с ума своими прикосновениями и ласками. Я любил наслаждаться дамами. В начале мне всегда нужно было время, чтобы «войти в роль». Я по-своему влюблялся в каждую из них. Женщинам хотелось продолжать связь со мной, потому что я влюблялся и умел тонко чувствовать желания их тела. Да, я любил их, даже если это было только одно мгновение. Но после того, как влюбленность улетучивалась, мне было все равно, куда они уходили.

Я никому ничего не обещал и никогда не хотел иметь детей. С некоторыми я поддерживал дружеские отношения. Некоторые уходили, не оставляя следов ни в моем сердце, ни в моей памяти. Я не разбивал сердец. Я был известен тем, что разбивал не сердца, а пары. Завязанные мною любовные треугольники меня прекрасно устраивали. Всегда можно было сказать: «Извини, дорогая, у тебя же есть муж или парень» и уйти, когда это было мне удобно. Мое стремление сделать блестящую карьеру и нежелание иметь детей всегда в моих глазах оправдывали мое поведение. Я умудрился увести у нескольких друзей и знакомых их жен и подруг, а потом разорвать эту связь, когда понимал, что отношения не имели смысла. С моей «второй половиной», как ее потом называли в суде, я тоже встретился в отпуске, когда она была девушкой моего друга. Он приехал провести свой отпуск вместе со мной. Мне было стыдно перед другом, но потом, по ходу событий, он был мне безмерно благодарен, что я отвел от него такое несчастье.

Женщины, которых я себе выбирал, всегда имели какую-то проблему. Они напоминали мою мать. Все это было похоже на запрограммированную матрицу, которая повторялась каждый раз, и из которой я никак не мог выбраться. Мое подсознание каждый раз тянуло к той же самой схеме отношений. В каждой истории я видел сначала лишь ее части, затем пытался

понять их смысл, искал значение. Но мои размышления ни к чему не приводили. Только, когда история заканчивалась, и я имел возможность от нее отстраниться и как бы посмотреть со стороны, начинал понимать весь смысл происходящего. Начинал понимать все уроки, которые давала мне жизнь. Я пытался помочь этим женщинам, пытался изменить их жизнь, как мне казалось, к лучшему. Но жизнь мне показала, что невозможно кого-то изменить, что-то доказать. Я всегда подсознательно безуспешно пытался что-то доказать моей матери этими людьми. В какой-то момент нужно было просто набраться сил и уйти, если не можешь больше жить с тем, что тебя не устраивает в другом человеке. Когда-то я понял, что единственное, что я мог изменить – это себя, что само по себе уже является достаточно сложным. У других индивидов свой путь в жизни, и каждый имеет полное право идти только своей дорогой и получать свои уроки. В конечном итоге я все это понял. Но было слишком поздно. Ошибки, не сложившиеся отношения, дети, болезнь – все это уже присутствовало и шло своим чередом. Я постепенно двигался к концу, расхлебывая промахи своей молодости...

* * *

В тот осенний день меня принудительно отправили с работы на медицинское обследование. К тому времени мы уже несколько лет были знакомы с Кариной и я всегда хвастался ей своим замечательным здоровьем. Каждый год нас заставляли проходить медосмотр. Из-за огромного количества поездок, деловых встреч и нехватки времени мы часто забывали о своем благосостоянии. Я сдал все необходимые анализы с полной уверенностью, что был абсолютно здоров. Через некоторое время мне позвонил врач и сказал, что я должен срочно прийти на прием. На все мои возражения он ответил, что это не телефонный разговор. Даже у врача я все еще не думал, что все могло быть серьезно. Я прекрасно себя чувствовал и не мог себе представить что-то страшное. Когда врач сообщил мой диагноз: «рак простаты», я думал, что это была ошибка. Болезнь никак не отражалась ни на моем самочувствии, ни на потенции. Но анализы были настолько плохие, что люди с такими показателями обычно уже не живут.

Я сразу подумал о детях. Едва их мать успела оправиться от рака, как отец загремел в ту же историю. Я запаниковал. Мне оставалось только бороться против разъедающей меня болезни и надеяться на чудо. В первый раз я серьезно задумался о своей жизни. Лишь узнав диагноз, я начал анализировать, что я делал не так. До того жизнь шла своим чередом и я как бы плыл по течению, лишь иногда незначительно сворачивая «немного вправо или влево» по течению. Я начал читать разные книги на эту тему и пришел к выводу, что несчастная история с моей «второй половиной» стала основной причиной моего нездоровья. Она была красивой молодой женщиной, которая отвергла меня и ударила по моей мужественности. Этот энергетический удар был настолько силен, что мое «мужское достоинство» заболело раком. Я не мог ей простить, что в какой-то момент она стала отказываться от близости со мной, а потом совсем ушла. Я сомневался в себе, думал о том, что возможно из-за возраста я в постели уже не был таким, как раньше, что, возможно, во мне уже чего-то недоставало... Все это было лишь мыслями. И вот результат...

Рак вообще являлся болезнью нашей цивилизации. Мы слишком много значения придаем вещам, но вещизм – не главное в жизни. Стресс на работе, дома, поездки, покупки, нехватка времени, хроническая усталость, и все бегом... В племенах, живущих в африканской саванне или джунглях Амазонки, таких болезней, как рак и депрессия не встречается. Там люди не загрязняют свой мозг лишними проблемами, а просто живут по законам природы и в гармонии с природой. Мы же, все больше и больше отдаляясь от природы, болеем все новыми болезнями и ходим к психологам, чтобы прийти к общему знаменателю с этой жизнью.

Только когда я уже был неизлечимо болен и моя «вторая половина», на которой я никогда не был женат, отобрала у меня возможность каждый день видеть моих детей, я понял,

насколько ошибался в жизни. Я понял, что моя философия авантюриста привела меня в тупик. Я бежал от семьи и обязательств, но это было именно тем, чего на самом деле мне не хватало в моей жизни. Все мои странствия и поездки были побегом от самого себя. Зная, какой была семья моих родителей, я боялся боли разочарования и стремился к идеалам, которые на самом деле не были моими собственными. Я стремился не быть таким же поверхностным и бесчувственным, как моя мать. В итоге я сам не мог жить своими глубокими чувствами, потому что слишком идеализировал межличностные отношения и выискивал несовершенство вместо того, чтобы наслаждаться близостью с женщиной и позитивными эмоциями. Я мог дарить любовь беззаветно, безо всяких страхов только моим детям, которые так поздно пришли в мою жизнь. Но и дети были отняты у меня. В тот момент жизни, когда я был готов отдать им всю любовь без остатка, у меня больше не было такой возможности.

Я делал для своих детей все. Но теперь болезнь сжирала меня медленно и без остатка. Отчаяние бессонными ночами сдавливало мне горло, потому что я понимал, как мало мне оставалось времени и как мало мне давали возможности видеться с детьми и реализовать все, что хотелось. Мне хотелось повернуть время вспять, когда сыновья сидели со мною за столом, говорили со мной на моем языке, которому я научил их, смотрели на меня моими карими глазами, смеялись над моими шутками, задавали вопросы, которые обычно задают дети. Я был бессилен против времени. Их вопросы... Они открывали для меня мир заново. Их детское любопытство и тяга к познанию нового иногда показывали, что и я чего-то не знаю. Я, именитый профессор и ученый, иногда был вынужден выдумывать для них некоторые ответы, потому что мне такие вопросы даже и в голову никогда не приходили. Мы договорились написать энциклопедию вопросов. Они смеялись. В такие моменты я был безмерно счастлив. За эти моменты я был готов отдать все на свете.

Время от времени бессилие сжимало мне горло и мешало дышать. Я выходил ночью на балкон и смотрел в черную пустую ночь. Я просил эту пустоту дать мне сил перебороть мое бессилие. Возникло чувство, как будто что-то там, в этой черноте слышало меня, и мне становилось легче. Я как будто слышал немой ответ из пустоты, что завтра у меня будет шанс изменить реальность. Почему-то я в это верил. Когда наступало «завтра», я на самом деле менял в лучшую сторону все, что был в силах изменить. Я не знал, сколько времени мне осталось, и больше ничего не откладывал на «потом».

Иногда я задавал себе вопрос, почему так называемый *homo sapiens*, зная, что он не бессмертен и ничего не может забрать с собой в могилу, стремился к чему-то в этой жизни. Для меня это было абсолютно нелогично. Ведь мы могли бы жить, как простая амеба: родиться, удовлетворять элементарные потребности организма, а потом просто умереть, когда организм износится и отключится сам по себе. Но ведь большинство из нас жило не так. Почему? Этот вопрос преследовал меня всю жизнь. Однажды я спросил себя, встретил бы я когда-нибудь Карину, если бы не достиг в жизни всего того, что мне удалось. Не создал бы той карьеры, которая была у меня за плечами. Не был бы профессором по предметам, которые ее интересовали и не говорил бы на всех тех языках, на которых у нас вместе получались очень неплохие шутки. Наверно, нет. Даже если бы встретил, то скорее всего я был бы ей просто не интересен.

Как ни странно, практически каждый человек с самого детства, знал, что он умрет. Но всю свою жизнь люди стараются делать вид, что это происходит как будто не с ними. А потом, когда узнают, что смерть стоит практически на пороге, ведут себя так, как-будто это для них сюрприз. Ведь смерть, как уже писали многие мудрые люди, сопровождает нас практически всю нашу жизнь. Никто никогда не знает, в какой момент она решит нас взять с собой в неведомое, куда-то туда, откуда еще никто так просто не возвращался. Знает ли об этом сама смерть? Или кто-то дает ей свои указания? Неизвестно. Но если бы я раньше осознавал факт существования смерти в моей жизни, я старался бы жить так, как будто каждый день мог бы быть последним. Я бы наслаждался жизнью на полную катушку и не откладывал бы все на потом.

Я доводил бы начатые, важные для меня дела, до конца. Наверное, даже больше ценил бы то, что мне в моем «сегодня» было дорого. Но теперь, когда я все это понял, возраст и болезни больше не позволяли мне жить на все 100 процентов.

* * *

Один виртуоз в музыке, не помню, был ли он из Австрии или Германии, припоминаю только, что у него была немецкая фамилия, вдохновлялся на своих концертах тем, что выбирал в зале красивую девушку, восхищался ею, и играл весь концерт как бы только для нее. Как-то, после одного из своих концертов, он случайно познакомился с девушкой, которая так его вдохновила в тот вечер. Она была прелестна, но была настолько глупа и бестактна, что это его разочаровало так, что рухнула его карьера. После знакомства с ней он каждый раз думал, что девушка, которая сидела перед ним в зрительном зале и красота которой вдохновляла его на виртуозную игру, могла быть такой же глупой и бестактной пустышкой, как та, которую он однажды узнал после концерта. Вспомнив эту историю, я еще больше оценил интеллект Карины. Я знал много женщин, но такое сочетание качеств, как красота, чуткость, высокий интеллект и способность выслушать и помочь в нужный момент я встречал нечасто.

Я знал, что для обычного мужчины среднего порядка, она была «слишком». Обычно мужчины имеют тенденцию к доминированию, хотят быть в центре внимания. Она была настолько яркой, что многих это просто отпугивало. Многие не знали, что с этим делать. В ее жизни с противоположным полом были всегда две крайности: ее или любили до беспамьяства годами, или бежали от нее сломя голову, чтобы не оставаться в ее тени. Я же понимал всю ценность ее внутреннего мира. Моя беззаветная любовь, не требующая ничего взамен, всегда притягивала ее ко мне. Я наслаждался тем, что, разговаривая на разные возможные и невозможные темы, мы переходили с испанского на французский, когда, скажем, вспоминали, наши похождения в Париже. Некоторые шутки просто невозможно перевести дословно. Иногда я просто забывался и переходил на родной итальянский. Она понимала почти все и даже шутила по-итальянски, хотя она его никогда не учила. Временами я писал ей на итальянском, чтобы выразить всю глубину моих чувств, которые обуревали меня в тот момент, непременно начиная свое письмо с обращения «*carina mia*». Вдруг я получал ответ на итальянском, гордился ею и радовался, как ребенок.

Когда мы были знакомы уже примерно два года, Карина вдруг решила приехать учиться в университет в Испанию, да еще неподалеку от города, где я жил. До этого она еще ни разу здесь не была. Мне ужасно захотелось показать ей городок, где она будет проводить потом месяцы своей жизни. Я не хотел упустить шанс преподнести ей все так, чтобы она увидела его моими глазами. Мне был хорошо знаком этот город. В нем был один из самых старинных и лучших университетов Европы. Конечно же, туда меня многократно приглашали читать лекции.

Я предложил ее туда отвезти. Встретил в аэропорту в Мадриде, забросил чемодан в багажник и стал играть приятную для меня роль экскурсовода. Было начало сентября, прекрасный день. Солнце светило во всю мощь и казалось, что лето никогда не закончится. На ней была легкая сиреневая блузка и короткая темная юбка. Ехать нам нужно было пару часов. Мы болтали про все на свете, смеялись. Ее близость сводила меня с ума. Она сидела на переднем сиденье возле меня, и мне безумно хотелось дотронуться до кожи ее загорелых ног и почувствовать себя в ее объятиях. Горячее солнце еще больше зажигало кровь, и я еле сдерживался. Изначально я планировал снять номер с двумя комнатами, как иногда это делал, и остаться ночевать там. Но я вдруг понял, что не сдержал бы себя, оставшись с ней вдвоем, зная, что она спит за стеной и что я могу просто открыть дверь, войти к ней и дотронуться до ее обнаженного тела. По дороге пришлось придумать, что мне перенесли на утро важную встречу и я оставил ее ночевать одну, в этом новом для нее, полном романтики старинном городе.

Когда мы доехали до города, для начала я разместил ее в отеле. Потом решил показать главную изюминку этого городка. Plaza Mayor, как это было всегда в испанском стиле, была окружена зданиями, закрывавшими доступ к ней. Туда можно было попасть, лишь пройдя через арку или небольшую, прилегающую к центральной площади улицу. Мы подходили к арке. Я закрыл ее глаза ладонями и повел на эту ошеломляющую своим величием площадь. Было уже темно. В огне прожекторов все смотрелось еще более пышно и помпезно. Сразу вспоминались колониальная Испания и ее былое влияние на мировую историю.

С неохотой отпустив руки, я замер в ожидании ее реакции. Крик восторга раздался на всю площадь. Она стояла с широко открытыми глазами, изучая каждый хитроумный барельеф фасада зданий. Меня охватила безумная радость. Она приняла эту страну, ставшую уже давно моим домом, как когда-то я сам ее принял, когда первый раз приехал в Барселону и стоял с открытым ртом около творений Гауди. Тогда я все еще мечтал вернуться в архитектуру. Но мои научные труды продавались лучше, я горел наукой, на придумывание новых зданий практически не оставалось времени. Но я на всю жизнь остался в душе архитектором и всегда восхищался полетом мысли талантливого коллеги.

В этот вечер у меня возникла идея показать ей особенно интересные и редкие места в известных европейских городах, которые мало кто знал. Я находил их для себя, как профессионал, и они восхищали меня всю мою жизнь. Ей приходилось часто ездить по работе. Я оставался с ней на связи. Иногда придумывал повод, чтобы она приехала ко мне, когда я был в командировке, иногда врал, что у меня именно в том городе, где она как раз находилась, была важная встреча, и спрашивал, не будет ли у нее времени поужинать со мной вечером. Как настоящий гурман я выбирал самые лучшие рестораны. Карина даже не знала об этом, просто доверяла моему вкусу.

Для начала я рассказал Карине, как в начале учебы в университете увлекся созданием новых сооружений, рассматривая здание старого рынка в Сантьяго де Чили, которое было одним из немногих старинных зданий города, сохранившихся после землетрясений. В то время для меня, студента архитектурного факультета, такой городской стиль с отсутствием целостной композиции и какой-то своей привлекательной атмосферы, был полной катастрофой. Если бы не снежные хребты Анд на востоке, которые придавали Сантьяго особую живописность, он бы был достаточно скучным. Поэтому я очень любил ходить обедать в одну из «марискерий» центрального рынка, здание которого имело очень своеобразный стиль. Это пережившее землетрясения сооружение представляет собой огромную металлическую постройку из гальванизированного железа, отлитого в Англии по проекту Мануэля Альдунате в 1872 году. Ему удалось сочетать стиль эпохи Возрождения с неоклассикой, что приводило меня в восхищение. Основу здания составляет конструкция из чугунных колонн, увенчанных чугунной крышей сложной формы.

На этом рынке можно было найти невероятное разнообразие тихоокеанской рыбы и самых удивительных морепродуктов (марискос), которые можно попробовать тут же в одной из кафешек в каждом уголке рынка. Он до сих пор славится как один из лучших рынков морепродуктов в мире. Пляжи в Чили никуда не годятся. Не столько из-за каменистого берега, сколько из-за холодных подводных течений. Поэтому, когда я там жил, я любил поехать позагорать, но редко купался в океане. Преимущество такого климата было в том, что в океане водилось огромное количество деликатесных морских гадов. Со всего побережья их свозили в Сантьяго, на этот самый рынок. Иногда на выходных, сидя с самого утра в одном из ресторанчиков и рассматривая стилистику и извилистость его арок, я наблюдал за происходящим. Обычно первыми за лучшими марискос сюда приходили повара ресторанов, затем появлялись местные жители с маленькими тележками. Долго там находиться было сложно из-за резкого запаха рыбы. Но я все равно любил сидеть там по несколько часов с тарелкой креветок или кальмаров и белым вином. Скорее всего, именно здесь я начал есть устриц. Меня к ним при-

учили владельцы этих самых ресторанов. Они рассказывали о свежем улове и о необыкновенном вкусе устриц. В начале есть устриц мне было неприятно, но потом я втянулся. Карина, когда мы вместе ходили по ресторанам, никак не могла понять, как я мог есть пищащих от лимонного сока устриц. Но именно марискерии Чили приучили меня к этому необычному вкусовому удовольствию.

Когда я первый раз украл ее от всех и увез в Париж, я как настоящий архитектор конечно же не пошел с ней на Эйфелеву башню. Для меня это было слишком заезжено и банально. Я бродил с ней по небольшим улочкам с раскрашенными в разные цвета домами. Их знали только знатоки, к которым в силу профессии относился также и я. Некоторые улочки вдруг заканчивались бесподобным видом на весь Париж. Мы стояли там, замерев от восторга и даже не хотели проронить ни слова, чтобы не испортить впечатление от волшебного момента. Потом мы поворачивались, без слов понимая друг друга, и шли молча до какого-нибудь ресторанчика и лишь там, обсуждали увиденное и стили зданий, так искусно спрятанные от огромного потока туристов. В Париже, этой столице гурманов, сервис был всегда не самым лучшим. Французов мало волновало, был ли ты голоден или просто зашел что-то выпить. Нужно было быстро все выбрать, пока тебе принесли меню и, поймав официанта, заказать желательное все сразу, чтобы потом не ждать его часами. Поэтому во Франции мы сначала быстро определялись с блюдами, а лишь потом начинали долгие разговоры с обменом впечатлениями. Как я не уговаривал ее, она так и не захотела есть устриц и улиток. А я уминал их за обе щеки, глядя на выражение ее лица, в котором было немое недоумение по поводу того, как я мог это есть. Что касается еды, наши вкусы не всегда совпадали.

Потом мы как-то встретились в Лиссабоне и решили поехать севернее, в город Порто. Мы хотели продегустировать портвейн и покататься по заливу на старинных лодках. Я приехал туда из Испании на машине и мы, не долго думая, рано утром отправились в новое путешествие. После посещения винодельни и прогулки по улочкам с домами, фасады которых были украшены кафелем с синими узорами, мы зашли поужинать в старинный ресторанчик с видом на море. Я смотрел из окна ресторана на пейзаж и на меня нахлынуло ощущение дежавю. Что-то очень близкое из юности вспомнилось мне, и я рассказывал ей о моих поездках на курорт Вальпараисо на совсем другом континенте, о так называемом городе моряков и поэтов. Valparaíso переводится как «Райская долина». Он как бы разделен на две части, сильно отличающиеся друг от друга: Верхний и Нижний город. Верхний город был для меня намного интереснее. В нем находятся изумительно живописные улочки с разноцветными домами, весьма удачно дополненные уличным граффити, церкви, небогатые жилые кварталы, карабкающиеся по крутым склонам, и, как это часто бывает в портовых городах, колоритные и приветливые жители. Эти разноцветные, ползущие на холм дома, когда я смотрел на них, стоя внизу на пляже, всегда мне напоминали лоскутное одеяло, которое в разных цветовых сочетаниях можно было встретить во многих странах Латинской Америки. Они были ужасно похожи на этот португальский город, где мы как раз были с Кариной. Обе части Вальпараисо связаны между собой старинными фуникулерами, езда на которых в начале для меня тоже казалась приключением.

Я был фанатом Пабло Неруды, у которого был там дом. К счастью, Карина разделяла мою страсть к этой известной личности, и мы много часов подряд могли обсуждать его стихи. Неруда обожал море и мечтал о мореплавании, но страдал морской болезнью, поэтому ему не удалось воплотить свою мечту в жизнь. Но благодаря этой мечте, он нанял хороших архитекторов и построил в разных местах Чили три дома. Все в виде кораблей. В его пятиэтажном доме в Вальпараисо были окна-витражи. В его стилистике знаменитый поэт тоже воплотил свою любовь к морю. Верхний этаж дома был сделан в виде капитанского мостика: отсюда Пабло любил смотреть на море и наблюдать за фантастическими вспышками предновогодних фейерверков, которыми славился этот приморский город.

Сидя в Вальпараисо в каком-нибудь ресторане на склоне холма, откуда открывался изумительный вид на море, я наблюдал за движением троллейбусов и прогуливающимися по набережной парами. Иногда ездил поваляться на пляже в соседний курорт Винья-дель-Мар. Морские львы чувствовали себя хозяевами побережья. Они нежились на камнях или бетонных сооружениях прибрежной зоны, абсолютно не обращая внимания на людей, проходящих мимо. Такое я видел еще раз только годами позже в Сан Франциско, когда был там на какой-то конференции. Звери, которые исторически были полноправными хозяевами тихоокеанского побережья, не хотели уступать людям свою стихию и как бы напоминали им, что они были здесь главными, не позволяли вмешиваться в свою жизнь. Немного севернее можно было даже встретить пингвинов, которые назывались по имени великого исследователя Александра Гумбольдта. Мне нравилось сидеть в маленьком ресторанчике в какой-нибудь рыбацкой деревне на берегу и наблюдать за неуклюжими пингвинами, живущими своей параллельной жизнью.

Карине нравились мои рассказы о жизни и о моих путешествиях. Мы побродили по пляжу возле Порто и поехали обратно в Лиссабон. На следующий день ей нужно было улетать, и мы решили вернуться, чтобы на следующее утро спокойно позавтракать в ресторане с видом на статую Христа на другом берегу Рио Тежу.

Она тогда была еще в чем-то наивной в своих представлениях о жизни. Карине ужасно хотелось работать в ООН. Я же бывал там слишком часто, чтобы понимать, что это не ее. Однажды я взял ее с собой в Вену. Мне нужно было присутствовать на нескольких заседаниях и я оформил ее своей ассистенткой. Ее счастью не было предела. Она сидела в одном из рядов этого огромного зала. Я сидел на местах для важных персон. Шла презентация. Она увлеченно слушала. Мне тоже пришлось выступить по моей теме. Я видел, как она светится от счастья даже с того далекого ряда, где находился. Моя Карина... Эти пару дней для меня и для нее ничего больше не существовало. Были только наши шутки про политику и обсуждение Организации Объединенных Наций. Если бы знала мировая общественность, что иногда, сидя на заседании ООН и делая вид, что набрасывал важные заметки, я на самом деле писал ей любовные письма, но не отдавал, в то время, когда обсуждались темы глобальной значимости и меня даже иногда снимали для телевиденья и фотографировали для газет. Я сильно устал от протестуции этого учреждения и уже не верил, что мог чем-то повлиять на какие-то решения. Поэтому сдался и занимался тем, что считал на данный момент правильным.

Я показал ей самые важные изюминки Вены. Карина, заядлая любительница фотоискусства, забыла фотоаппарат, и мы пришли к выводу, что лучшими были именно те фото, которые не сделал. Мы складывали большие и указательные пальцы в «фотографическую рамку», делали вид, что снимаем, потом сравнивали у кого «получилось лучше» и смеялись до слез. Я даже в этот раз тряхнул стариной и пошел с ней в латиноамериканский клуб, где мы танцевали сальсу. Держа ее в своих объятьях и вдыхая аромат ее тела, я собирал в кулак всю свою волю, чтобы не начать ее целовать. Я танцевал этот танец ужасно. Она смеялась и продолжала танцевать со мной дальше. При этом мне пришло на ум, что те, кто не понимал слова этих песен, были просто счастливыми. Для меня всегда было абсурдом видеть веселые довольные пары, радостно отплясывающие под слова песни вроде: «Ты разбила мне сердце, ушла к другому, я в полной депрессии и умру без тебя». В другие дни мы ходили на концерт классической музыки или в картинную галерею на выставку картин какого-то сумасшедшего художника, и у нас было одно мнение об этом искусстве. Я не знал, откуда она брала все эти знания и как у нее получалось просто видеть и чувствовать так же, как я. Каждый раз, когда мы встречались, она поражала меня чем-то новым, что потом занимало мои мысли несколько дней, а иногда и недель. Я даже как-то в шутку попросил ее написать для меня «инструкцию по ее эксплуатации», чтобы знать, как с ней лучше обращаться, чтобы не было сюрпризов. Смеялись долго.

В Вене мы жили в одном номере. Я не хотел отпускать ее от себя. Я не смел дотронуться до нее как мужчина, боялся ее отказа и боялся потерять ее навсегда. В тусклом свете луны я

стоял около ее постели. Карина крепко спала, я умирал от желания, но ограничивался лишь тем, что любовался ее сонным лицом, как у маленькой девочки, которой было спокойно и тепло. Я охранял ее сон, в своих мыслях невольно лаская каждую частичку ее тела. Я часто наблюдал за ней и видел на ее лице как бы скрытую, таинственную улыбку. Я называл ее «улыбкой этрусков». По моему мнению, Джоконда Леонардо да Винчи тоже улыбалась улыбкой этрусков. В их эпоху скульпторы пытались передать свои творения в трехмерном измерении. Они вырезали губы у скульптур таким образом, что при попадании света на нее создавалось впечатление, что она улыбалась. Поэтому, несмотря на иногда мелькающую грусть в ее лице, я всегда замечал в ней эту особенную «улыбку этрусков», которая сводила меня с ума и заставляла возвращаться к этой женщине снова и снова.

Так мы вместе объездили много стран. Однажды осенью, когда я находился в командировке в Канаде, я увидел лес с разноцветными листьями и дерево, которое мне напомнило одну нашу прогулку по осеннему парку в Европе. На меня нахлынули эмоции, я позвонил ей и чуть не выронил трубку, когда услышал, что она была как раз в Латинской Америке и в той стране, где был разгар военного путча. Столица, в которой она находилась, была в баррикадах, и в городе происходили стычки с повстанцами. У меня было чувство, что она не совсем понимала, насколько все было серьезно и насколько опасно там находиться. Я долго жил в Латинской Америке, был свидетелем путча Августа Пиночета и прекрасно все оценил, поэтому чуть не умер от страха за нее. Переведя все в шутку, чтобы не вызывать у нее паники, я назначил ей «свидание». Купил билет на следующий рейс и спустился на несколько стран южнее. Я нашел ее в ресторане, где мы договорились встретиться, и еле сдерживался, чтобы не выдать свой страх за нее и страх, что она вдруг могла исчезнуть из моей жизни. У меня был важный симпозиум, который я чуть не пропустил в Монреале. Но я вернулся лишь тогда, когда убедился, что она поехала дальше и не осталась в этом сумасшедшем городе, полном непредсказуемых опасностей. После этого я старался советовать ей более безопасные путешествия. Я уже объездил полмира, и ей были интересны мои рассказы, она прислушивалась к большинству моих советов. Мне это очень льстило.

Когда я брал ее с собой на торжественные приемы, где все должны были говорить на английском, она не смущалась, поддерживала разговор и удивляла своими меткими шутками. Она была похожа чем-то на меня самого, потерянного странника среди разных стран, языков, культур, взглядов на жизнь, фальшивых и подлинных идеалов. Мы ходили на встречи в разные посольства. С какого-то времени я даже перестал брать с собой визитные карточки, меня там и так знали, а кто не знал, просили мои контакты у тех, кто знал. Мы оба поражали интернациональную «тусовку» тем, что переходили с одного языка на другой, шутили и говорили на серьезные темы на языке тех, кто к нам подходил. Я замечал взгляды присутствующих, обращенные в нашу сторону. Все спрашивали себя, кем была для меня Карина. Моя итальянская внешность настолько контрастировала с ее славянской и мои карие глаза были настолько не похожи на ее зеленые, что все были уверены: родственниками мы не были. Я ловил на себе завистливые взгляды мужчин и презрительные взгляды женщин. Мне было все равно. Среди всех этих скучных разговоров ни о чем она была моим спасением и вдохновением. Я знал, когда она была рядом, бесед ни о чем больше не существовало. Мы шутили по поводу всех этих важных встреч, людей, приемов и потом сбегали от них в какое-нибудь уютное кафе или секретное место, известное только нам обоим. Там не существовало больше ни политики, ни дипломатии, ни вчера, ни завтра. Там были только ее зеленые глаза, освещаемые этрусской улыбкой, смотревшие на меня с усталостью и восхищением. А так же моя нескончаемая нежность, которая окутывала ее словно мягкое покрывало и, несмотря на всю ее усталость, не отпускала спать.

Иногда я готов был отдать полцарства за возможность вновь быть рядом с ней. Я звонил ей с самых невозможных концов света, когда был в командировках и почти прыгал от радости,

как ребенок, когда она соглашалась приехать ко мне туда на выходные. Моя работа была связана со стрессом. Пост международного уровня не мог быть иным. Я знал, на что шел, когда согласился на эту должность. Я встречал ее в аэропортах, смотрел в ее сияющие глаза и для меня не существовало больше ничего на свете. Я просто знал, что все теперь будет хорошо. Я много раз отпускал шутки о том, что она мне ужасно нравилась. Шутил, что если бы не мой возраст, мы могли бы быть прекрасной парой. На что она только грустно улыбалась и отвечала, что она была замужем. Так было всегда, до того рокового дня, когда она узнала, как мало мне оставалось жить. Болезнь уже разъедала меня. Никакого чуда выздоровления уже не могло произойти. Я сообщил ей свой диагноз несколько дней после того, как сам убедился в его реальности. Мне никак не хотелось в него верить, потому что никаких физических симптомов я не ощущал, но анализы, сделанные несколько раз, подтверждали диагноз. Я уходил. Медленно, но безвозвратно. Мой поезд жизни все еще нес меня дальше, но я так и не доехал на нем до той, моей, остановки, на которой мне так хотелось выйти и остаться там навсегда. Я больше не надеялся достичь этой цели. В один момент мой поезд стал отходить, оставляя меня на станции под названием одиночество. Станции, на которую мне меньше всего хотелось попасть в этой жизни. Мои постоянные попутчики: перфекционизм, страх провала, эгоцентризм, гордыня и нежелание впускать перемены в свою жизнь, а так же заключение в тюрьме своего аналитического ума, привели меня на эту станцию и теперь сидели напротив, злорадно ухмыляясь мне в лицо. Как сказал мне один священник, который хотел обратить меня к церкви: «Гордыня была потому смертным грехом, что она не позволяла впускать в жизнь что-то новое. Душа пришла на землю, чтобы чему-то учиться и проходить определенный путь. Поэтому новое должно было входить в жизнь, чтобы развиваться дальше». Я тогда был на крестинах, отказался слушать нравоучения этого священника.

* * *

Был день поздней осени. Она приехала в Испанию по своим делам, и я пригласил ее к себе в гости в Мадрид. Я много рассказывал ей про свою холостяцкую жизнь в столице. Думаю, что ей было любопытно увидеть все это своими глазами и она приехала. Я ужасно волновался. Очень хотелось, чтобы ей понравилось. На стенах моей квартиры висели копии известных художников модернизма. Их оригиналы, которые я собирал многие годы, забрала мать моих детей, когда выселялась из моей квартиры, даже не поставив меня в известность. Иногда у меня складывалось впечатление, что чем богаче были некоторые люди, тем жаднее и меркантильнее. Я приготовил Карине отдельную комнату, уговорив ее остановиться у меня. Я соблазнил ее тем, что на выходных мы пойдем в *tablao flamenco*, которое было недалеко от моего дома. Она обожала фламенко и ей сложно было отказаться от моего предложения. Она позвонила в дверь. Когда она вошла, я впервые заметил, что учеба в Испании отложила на нее своеобразный «испанский отпечаток». Прожив здесь полгода, она начала носить шали на испанский манер и выбирать более «испанские орнаменты». На ней было пальто в пастельных тонах известного испанского бренда, вышитое вручную, а на голове шарф с узорами, напоминавшими картины Пикассо. У нее появился свой, особенный, стиль, который мне нравился больше и больше.

Я мог говорить с ней на все темы. Под тихую музыку Вивальди мы смотрели, как снежинки падали на замерзший в это воскресенье Мадрид и говорили о науке и технике. Она даже иногда давала мне некоторые советы или делала такие замечания, которые меня поражали. Я вдруг спрашивал себя, почему я сам не подумал об этом раньше. Иногда я протестовал против ее высказываний, но через год-два сам приходил к тем же выводам. А ведь она говорила мне об этом уже несколько лет назад. Она никогда не напоминала мне о моем нежелании посмот-

реть на эти вопросы по-другому. Она смотрела на меня своими зелеными глазами и улыбалась, втайне радуясь моему «духовному росту».

Потом я решил приготовить что-то очень вкусное. Я любил готовить и приглашать друзей на трапезы. У меня была известность в определенных кругах своей изысканной кухни. Иногда меня даже приглашали в качестве повара на званые важные вечера. Когда мне хотелось отдохнуть от политики и своей напряженной работы, я соглашался. Это приносило теплоту в мою кочевую жизнь и создавало впечатление, что кому-то на самом деле важно, что я делаю и чем живу. Врач посоветовал мне специальную диету. На этот вечер я выбрал страусятину. Я удалился на кухню и пытался создать что-то незабываемое. Я не позволил помогать мне. Очень хотелось сделать сюрприз. Все эти годы мы уже много раз вместе ели что-то вкусное и необычное. По разным поводам. В разных городах и странах. Но всегда в ресторанах. Это был первый раз совместного ужина дома и мне хотелось быть на высоте.

Карина любила искусство и живопись. Она ходила из комнаты в комнату. Рассматривала картины. Мы перекидывались мнениями по поводу стиля того или иного художника. Некоторые нам нравились, некоторые нет. Наши мнения, как ни странно, совпадали. Я коллекционировал эти предметы искусства много лет. В зависимости от моего на тот момент настроения и вкуса. На их примере я видел, как с возрастом менялась моя жизнь и мои приоритеты. После бурной юности вкусы стали более зрелыми и появилась склонность к философии. Мы много смеялись, обсуждая, как менялись мои взгляды и как они отражались в этих картинах. Я с удовольствием посмеялся с ней над самим собой и еще раз увидел абсурдность моих увлечений молодости. Как же было приятно общаться с родственной душой!

Потом она уехала. Ей понравилось и она обещала мне вернуться снова. Я ждал до начала следующей осени, и этот день наконец настал. Каждый раз, когда я расставался с ней, возникало чувство, что я отрывался от чего-то очень для меня дорогого и летел в пропасть неизвестности. Мне вспоминалась фреска Микеланджело «Сотворение Адама».

Был дождливый вечер. Капли дождя стучались в окно, как бы предвещая уход лета и тепла, которое нас согревало уже несколько месяцев. Заканчивался теплый сезон и с ним моя надежда на улучшение состояния здоровья. Она стояла в моей комнате рядом с террасой и рассматривала экзотические растения. Небо как будто плакало над безысходностью бытия. Она была еще молода, красива. Я наблюдал за ней из кухни. Ее задумчивое лицо было немного печально. О чем она думала в этот момент? Я не хотел прерывать ход ее печальных мыслей под ритм мадридского дождя и просто наслаждался ее обликом. Ее длинные волосы падали на плечи. Лицо было освещено заходящим солнцем, прорывающимся через потоки ливня. Эта женственность и хрупкость вдруг полностью свели меня с ума. Мне вдруг стало до боли понятно, насколько страстно я ее хотел все эти годы. Я уже угасал. Болезнь брала свое, набирала обороты. Врачи уже давно сообщили о том, сколько мне осталось. Мне не было страшно. Было жаль, что не увижу, как вырастут и повзрослеют дети. Было немного страшно, что без меня они могут не справиться и могут споткнуться на своей дороге. Было немного больно от осознания того, что эта жизнь не дала мне возможности быть именно с этой женщиной, которая была именно «моей». Почему-то жизнь привела меня к ней в неправильное время, когда шансов быть вместе почти не оставалось. Много лет я ломал себе голову, что же нас связывало так сильно? Но не мог найти ответа. Как будто что-то сверхъестественное привело нас друг к другу и связало навсегда. Мне стало понятно, что это был последний вечер, когда я мог бы приблизиться к ней. Через столько лет. В этот момент не существовало больше ничего, только я и моя Карина.

Я подошел к ней сзади. От страха дрожали колени. Я бы наверное не пережил, если бы она оттолкнула меня в этот момент. Мы столько лет проводили время вместе в номерах разных отелей, но я ни разу не дотронулся до нее. Это было что-то похожее на сумасшедшую дружбу. Какая-то глубокая связь, смысл которой я даже не пытался понять. Мне безумно нравилось,

когда она просто была рядом. Я обнял ее за плечи. Она немного удивилась, но осталась на месте. Умирая от безумного желания, я зарылся лицом в ее волосы. Мои руки скользили по ее плечам и спине. В начале боязливо, потом все более и более уверенно. Как настоящий итальянец я был искусен в любви. Я был перфекционистом, даже эту сторону моей жизни я старался проживать по максимуму. Я прекрасно знал, что ей может понравиться. Я расстегнул ее блузу и начал ласкать ее соски медленно и очень нежно. Я чувствовал, как в ней проснулось и нарастало желание. Понял, что теперь она принадлежала мне. Даже если только на одну ночь.

Несмотря на прогрессирующую болезнь, сил у меня еще было достаточно, чтобы отнести ее в постель. Медленно раздевая, я наслаждался каждым сантиметром ее тела. Стараясь не потерять голову до конца, я растягивал удовольствие. Она уже дрожала от желания, и в ее взгляде я видел немое повеление овладеть ею. Но я ласкал ее до тех пор, пока не почувствовал, что кроме этого дождливого вечера, моей постели и нежных рук для нее не существовало больше ничего на свете.

Я вошел в нее медленно и очень нежно, борясь с собой, чтобы не взорваться. Ей хотелось ритма, я же хотел наслаждаться ею медленно и долго, думая о всех потерянных годах, когда я не осмеливался дотронуться до нее, боясь потерять навсегда. Она стонала от удовольствия и поддавалась мне, окунувшись в наслаждение. Она ласкала мою кожу. Женщины говорили мне, что она упругая и нежная, как у них. Она почти повторила то же самое. От ее нежных рук я почти совсем потерял голову. И взорвался. Это было ощущение исполненной мечты, которую я лелеял столько лет и лишь перед смертью наконец решился дотянуться до нее. Неопи-сваемое удовольствие наполнило мое тело. Мне пришлось бороться с собой, со своими эмоциями, чтобы не потерять сознание. Карина лежала рядом со мной, рассматривала меня, и в ее глазах я видел, что она прекрасно понимала, что во мне происходит. Горечь переполнила меня. Пришло осознание, что время мое вышло. На следующий день я отвез ее в аэропорт и понял, что я видел ее в последний раз.

* * *

Всю свою жизнь я почему-то заботился и беспокоился только о других. Никогда не заботился о себе самом. Теперь мне вдруг нужно было заниматься тем, что я до сих пор ни разу не делал... Это была абсолютно новая для меня ситуация. Я выяснил, что заниматься собою намного труднее, чем другими. Я стал перед лицом собственных проблем, на которые раньше никогда не обращал внимания. Если бы я это делал тогда, вовремя, я бы не пришел к ситуации, в которой находился сейчас. Но теперь нужно было жить той действительностью, которая была. Я ощущал полное одиночество. Рядом со мной не было любимой женщины, я чувствовал себя, как в пустыне. Я приближался к концу жизни. Я почему то непроизвольно вспомнил Чили и мое первое знакомство с пустыней.

Тогда я поехал на машине на север по Панамериканскому шоссе. Моей мечтой было увидеть пустыню Атакама и самый высокий вулкан на Земле Охос-дель-Саладо (от исп. Ojos del Salado – «солёные глаза»), высота которого 6893 метра. Когда он был впервые покорен, исследователи нашли там жертвенные алтари инков. По всей видимости, вулкан Охос-дель-Саладо почитался индейцами как священная гора. Когда я стоял перед ней, у меня тоже было какое-то необычное чувство благоговения. Мне нравилось смотреть на вершины гор и на лам с викуньями, щипавших травку на их склонах. На такой высоте обычно всегда лежит много снега, но на горах, прилегающих к пустыне, из-за ее необыкновенной сухости, снега достаточно мало. Мне было странно смотреть на такие высокие горы, которые были почти обнаженными.

К западу от вулкана и до побережья Тихого океана простирается пустыня Атакама, которая считается самой сухой пустыней Земли. Отдельные места мне тогда напомнили лунный пейзаж, а в некоторых были оазисы. В определенных местах пустыни дождь выпадает раз в

несколько десятков лет. И невероятно то, что русла рек здесь сухие на протяжении уже 120 тыс. лет. Когда в районе Сан-Педро-де-Атакама я увидел красного фламинго на Салар де Атакама на 3200 м. над уровнем моря, то не мог поверить своим глазам. Особенность этой разновидности фламинго не только в его цвете и любви к соленым озерам, а еще в том, что большую часть жизни красный фламинго живет с одним и тем же партнером. Однолюб, так сказать...

Для сбора воды местные жители используют так называемые «туманоуловители». Это цилиндры высотой с человеческий рост, стенки которых изготовлены из нейлоновых нитей. Туман конденсируется на стенках цилиндра и стекает вниз в бочку по этим нитям. С помощью такого устройства они умудряются собрать до 18 литров жидкости в сутки. Тогда для меня это было новым «открытием Америки». Привыкнув к тому, что, открыв кран, из него лилась вода, я поражался стойкости и терпению жителей этой пустыни, которые дорожили каждой каплей.

В этой пустыне построена одна из самых важных обсерваторий в мире. Когда наступила ночь, я понял почему. Я тогда впервые увидел звезды так близко. Из-за сухости климата на небе не было ни одного облачка. Казалось, что Млечный Путь можно было бы потрогать рукой, протянув ее к бесконечному небу. На некоторых горах в этой местности были видны наскальные рисунки. Люди жили здесь, видимо, очень давно, некоторые рисунки были не совсем земного происхождения. На них были изображены какие-то существа, похожие на людей, но судя по каким-то непонятным предметам на их головах и коленях, можно было предположить, что это были инопланетяне. Глядя на усыпанное звездами небо, я понял, что здесь мог бы быть прекрасный аэродром для космических кораблей. Прекрасная видимость практически круглый год, какая-то мистическая близость к звездам. Я смотрел на пролетающие мимо и подмигивающие мне спутники и фантазировал о том, что на какой-то звезде какие-то существа могли так же смотреть на меня, спрашивая себя, а что же там происходит, на этой голубой планете.

Тогда, в молодости, я поехал в эту пустыню один, для меня не составляло никакой проблемы стоять одному посреди ее бескрайних просторов и ощущать, что вокруг меня на много километров не было жизни, к которой мы все привыкли. Теперь, когда я остался один посреди этого огромного города, кишашего миллионами его обитателей, я чувствовал себя, как тогда, в той пустыне, потому что рядом со мной не было любящего сердца, способного поддержать в трудную минуту. Я видел себя как бы стоящим перед священным вулканом инков, глядящим на звездное небо над моей головой и думал о том, что будет с моей душой после смерти. Я вспомнил тех розовых фламинго, которых видел когда-то на Салар де Атакама. Они были однолюбам и я завидовал им, потому что они всю свою жизнь были вместе с любимым, чего мне так и не удалось. Мое одиночество, как в той пустыне, настигало меня снова, и снова и я уже не мог от него уйти. Было слишком поздно.

После всех обследований выяснилось, что у меня еще и рак почки. Мне удалили левую. Я прекрасно знал, что можно было жить и с одной. Но я не хотел испытывать свое терпение. Я больше не чувствовал себя полноценным человеком. Я был перфекционистом и поэтому этот факт убил меня напрочь. Я как будто создал свою собственную религию с названием «левая, правая почка и я между ними». И все свое свободное время был занят мыслями об этом.

Мне назначили женские гормоны. От них я стал более сентиментальным и надеялся с их помощью наконец до конца понять женскую натуру. В итоге создавалось впечатление, что с их помощью я все-таки до ее корней не добрался. Можно ли было понять чужую натуру до конца? Подведя итог своей жизни, я понял для себя, что «проблема» заключалась не в глобальных понятиях: «Чего хотят мужчины и чего женщины?» Суть вопроса была просто в том, что мы были разными людьми. Каждый со своей историей и мировоззрением, определенным воспитанием, с собственным опытом жизни, который мог быть совместим с одним человеком, а с другим нет. Во времена моих родителей, да и что греха таить, в мои времена тоже, в обществе было просто принято жениться или выходить замуж один раз и жить вместе. Женщины были зависимы от мужчин экономически. Им некуда было деваться, нужно было растить детей.

Поэтому большинство людей просто приспособивались. Не было возможности задуматься, кто кому лучше подходит. Люди пытались создать из своей жизни, что могли: кто-то создал жизнь получше, а кто-то нескончаемый стресс, длившийся всю совместную жизнь, и как следствие, такие побочные эффекты, как болезни, любовники и любовницы и т. д.

Изучая социологию, я выяснил для себя, что брак был придуман женщиной в начале оседлого образа жизни и при появлении частной собственности по одной простой причине: мужчина просто не хотел отдавать свою собственность чужим отпрыскам. Он привязал к себе женщину в наивной надежде, что таким образом он будет точно знать от кого у нее дети. Актуально ли все это сегодня, когда женщина сама работает, когда существуют средства выяснить от кого было зачатие? Да и общество стало менее консервативным. Было уже достаточно нормально, поняв, что это «не твой человек», пойти дальше своей дорогой и не мучить никого и не пытаться разгадать иллюзорную загадку, в чем же настоящая суть мужчин и женщин. Да, я ни разу не женился, но я много лет жил с разными женщинами, которые меня долго восхищали. С кем-то жил даже почти пятнадцать лет и был счастлив. А когда приходило время, я старался благодарить женщин за подаренное мне время и расставался с ними по-доброму. Так было со всеми, кроме матери моих детей.

Из почки метастазы перешли в легкие, близко к аорте. Химеотерапия не помогала. Я медленно уходил и рядом со мной не было той женщины, с которой я мечтал провести свои последние дни. Виноват в этом был я сам. У меня было чувство, что перед тем, как уйти, я должен был дать этой юной девушке все, что мог. Она даже старалась лечить меня. Она как-то спросила меня, разрешаю ли я ей это делать. Я согласился больше в шутку, чтобы не огорчить ее. Сам я уже не надеялся на выздоровление. Я боролся с болезнью до тех пор, пока где-то в подсознании все еще понимал, что какой-то внутренний долг перед Кариной еще не оплачен. После того, как понял, что моя роль в ее жизни была уже сыграна, я сдался болезни и решил уйти. Я хотел, чтобы она запомнила меня веселым и жизнерадостным и не увидела увядание моего тела. Тридцать лет разницы с годами становились все очевиднее. Я уходил, оставляя ей воспоминания о важном профессоре, а не о разваливающемся старике. Я решил отдалиться от нее и жить своей жизнью, где каждый новый день приносил или надежду, или разочарование. Я уже не мог работать, ушел на пенсию по болезни и не хотел, чтобы она видела мое состояние, которое мне самому совсем не нравилось. За свои шестьдесят с чем-то лет я многое пережил и повидал в жизни. Но самый дорогой подарок судьбы, я получил в самом ее конце. Это мои дети и Карина. Именно Карина принесла с собой чувство настоящей любви, не похожей на то, чем я жил раньше. Приближаясь к концу, я был безмерно благодарен судьбе за то, что пусть и ненадолго, но у меня в жизни все-таки была женщина, с которой не хотелось расставаться, хотелось жить и из-за которой не хотелось умирать.

Господь, видя сердце твое и намерение твое, благословит тебя!

«С милостивым Ты поступаешь милостиво, с мужем искренним – искренно, с чистым – чисто, а с лукавым по лукавству его...»

Псалом 17:26–27

Она

Он любил и при этом нашел себя.

А большинство любит, чтобы при этом себя потерять.

Герман Гессе «Демриан. История юности Эмиля Синклера»

Он вошел в мою жизнь как-то просто и непринужденно. Все было так, словно мы уже были знакомы очень давно, только расстались и случайно встретились снова. В тот день он вошел в отель, где я подрабатывала, учась в университете. Была ночь, он возвращался с какого-то банкета и пришел за ключом. Он был немного навеселе и сразу начал флиртовать со мной и шутить. Все было просто и ненавязчиво. Не так, как это получалось у большинства мужчин, которых я знала, поэтому не стала возражать. Ночные смены были достаточно скучными. Нужно было что-то делать, чтобы не заснуть, и я решила какое-то время поболтать с этим мужчиной. Он оказался на редкость интересным собеседником. Тогда я и не предполагала, что эта встреча станет чем-то необыкновенно важным в моей жизни, и я много лет буду искать ответ на вопрос, что же так связывало нас, почему мы постоянно встречались следующие несколько лет и даже однажды сломали все стереотипы, которые навязывало общество. В итоге ответ на мой вопрос стал неожиданным и совсем не таким, какой я могла себе предположить. Но началось все абсолютно банально, с легкого флирта между молоденькой девушкой-администратором отеля и именитым «испанским» профессором, который был на 30 лет старше. В тот вечер случилась авария на электростанции, обслуживающей кварталы, где находился отель. Из-за этой случайности профессор не пошел сразу спать, а остался поговорить. Было видно, что, несмотря на свою именитость и все регалии, на наличие семьи и обязательств перед детьми, он был одинок. Он напомнил мне заблудившегося странника, который сбился с пути и искал свой верный путь. Наверно, в тот момент моей жизни я чувствовала себя так же. Мы начали понимать друг друга с полуслова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.